

***Николай Алексеевич Ивеншев** родился в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Поэт, прозаик, публицист. Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Дон», «Родная Кубань». Собкор газеты «Литературная Россия». Лауреат различных российских и международных конкурсов и премий. Заслуженный работник культуры Кубани, режиссер поэтического театра «Мельпомена», член Союза писателей России.*

Николай Ивеншев

ЛАБИРИНТ

Рассказ

Он долго целовал ее. Потом вдруг осипшим голосом предложил: — Айда жарить яичню. Когда яичница зашипела, Крестя подошла к темному окну. В ночи шевелились розоватые пятна — вроде крыльев гигантских бабочек.

— Зарево, — зевнула Крестя.

Платон выключил газ. Пока он расставлял тарелки и прочую утварь, Крестя достала из холодильника початую бутылку вина, плеснула в узорчатый, в стеклянной пене бокал. Подняла его.

— Знаешь, я от тебя ухожу!

Платон давно ждал этого. Тыльной стороной ладони вытер вспотевший лоб:

— Чегой-то вдруг?

Она ответила весело, бравируя, щелкнув серебряными пальцами:

— Всю жизнь меня бросали. Теперь я это сделаю. Для равновесия.

Розовым языком Крестя лизнула губу. Полчаса назад эти губы источали слабую различимую чепуху, от которой счастье екало сердце.

Крестя глядела на него, будто ждала слов, мольбы.

Платон подошел к кухонной занавеске, осторожно, как что-то хрупкое, поднял ее:

— Я тебе рассказывал, как бросал курить. Первое условие — не тянуть. И не поддаваться соблазну.

— А он есть?

— Что? Соблазн? А как же...

Крестя хмыкнула.

— Давай потанцуем? На... это... На прощанье.

Он криво изобразил улыбку:

— Прощанье славянки? «Как провозжают пароходы, совсем не так, как поезда». А яичница?

Крестя пожалала глянцевыми, скользкими плечами.

Платон потискал телефон, впустив что-то вроде музыки. Крестя шагнула к нему и крепко прижала к себе.

— Не отпущу! — губы ее дрожали. — Я в бабку, с придурью.

Платон ощутил недавний аромат ее тела, какой бывает после любовной близости: что-то травяное, с привкусом банного дымка. Так пахнет детство. Он поморщился от своих дешевых мыслей: «Аромат тела».

— Я люблю тебя! — всхлипнула Крестя, стала мять его плечо.

— Да-а-а! Что ж мешает... А чего же тогда?

— Так надо. Секрет!

Музыкальный сироп становился все невыносимее, но Платон терпел. Он ждал. Казалось, музыка прилипла к телу. И Крестя заговорила:

— Платош, понимаешь, я сама по себе, по сути, разрушительница. Разру-ши-тель-ни-ца! Но медленная. Медленное разрушение есть пытка. Это все равно, что зуб дергать три дня. Нужно ухватиться и сразу — ж-аах!

— Для чего?

Она ткнулась лбом в его грудь:

— Ты — не Платон, ты — планктон. Водоросль. Куда волна идет, туда и ты. Пройдет день, два, месяц, год, столетие. И мне ты станешь противен... Мерзок. Нет, нет, не обижайся... Ты здесь ни при чем... Ты вообще — икра. Черная.

Платон что-то хотел сказать, но лишь просипел. Музыка не кончалась.

— Помнишь старую фильму «Белое солнце»?

— Ну?..

— Не нукай... Там таможенник черную икру половником лопал, и она ему обрыдла до чертиков. И ты об...рыднешь, — Крестя странно, испуганно взглянула на Платона.

Тот бормотнул:

— Не обры...

— Я в бабку, Феодору... Хэх, Феодорино горе.

Музыка валила с ног. Он все же удержался, шагнул к столу, налил вина и залпом осушил бокал. Разве это алкоголь? Как же это он скатерть обрызгал?

Платон вздохнул:

— Что ж, надо разбежаться!

Он сам не понял этих своих слов. Сказал их. И легко. Как пить попросил.

Крестя то ли жалко, то ли жалостливо обрадовалась:

— Да, да, да! Будем друзьями! На чай друг к другу ходить.

— Рыбок заведем, герань, настурцию.

— Херань. Нас в Турцию, — усмехнулась Крестя.

Она, видно, тоже понимала, что никогда они друзьями не станут, что это все — игра. И зачем она затеяла эту игру? В ее теле что-то падало и оставляло это что-то зияющую пустоту. Злую, едкую. Лабиринт.

Рассвет наступил внезапно. И все жестко оголил и обесцветил.

— Давай поцелуемся на прощанье! — чужим, деревянным голосом предложила она. И тут же обхватила голову Платона, боясь, что он не согласится.

Ее губы оказались абсолютно пустыми. Черно-белыми. Пустой консервной банкой. Не губами вовсе.

Телефон, кинутый на закапанную вином скатерть, назойливо повторял чупа-чупсовые звуки.

И Крестя исчезла из кухни, будто и не жарили они яичницу. Яичница осталась на плите нетронутой. А ведь еще час назад они с нежным ожесточением любили друг друга. Еще и еще... любили.

— Еще! — расплескивала волосы Крестя.

Остались лишь следы. Четыре солнышка глазуни в детском белом облаке. Открытая банка кетчупа.

Тяжело пошатываясь, как пьяный, Платон закрыл дверь своей комнаты и скovyрнулся, сполз с третьего своего этажа. Выцепив из кармана куртки телефон, стал набирать номер, который ему дал Вадим Колесов — якобы для лечения.

— Пригодится! — иронично скривил тогда губы Вадим. — Для профилактики... И для лечения... Гомеопатия, подобное — подобным.

Посылая номер, Вадим щелкнул челюстью. И был он похож на гигантского зеленого кузнечика.

Платон прижал к щеке теплый кирпичик телефона:

— Клин-клином!

Оттуда, из глубин эфира, поднялся, как из воды, сонный женский голос:

— Кто это? Какой клин... Да кто это?

Платон забормотал, понес околесицу. И остановился. Голос оттуда остановил.

— А-а-а! — приветливо. — Это Вадимов друг? Встретиться? На чашку кофе? Ну... Ну... День по нотам распи... Пожалуй. Ненадолго. На часок...

Все закрутилось, как в голливудской ленте, только без гангстеров. Полина — она так велела именовать себя, да, Полина, не Поля — оказалась броской, лакированной, как все, девушкой. «Это не я, не я, не я, не я! — твердил про себя Платон. — Скорей бы!»

Поднимались. Мелькали перед глазами джинсы, кроссовки. Выше! Еще этаж! Она, вполне освобожденная — пуговица на кофточке расстегнута, оборачиваясь, играла глазами. «Не я», — взревело в нем. И ушло, как враз пропадает эхо. И вдруг резануло: «Лабиринт».

Коньяк «Метакса». Разноцветные ноготки. И смеялись потом. И ласкались. И пел он. Сипел фальшиво, дурачась, забыв про наказ, про Полю. «Полюшко-поле...» Когда-то отец его учил.

Пошлость, пошлость!

И вот, когда нежная подруга Вадима ушла, звонко исчмокав все лицо, Платону вдруг стало тоскливо, потом скучно. А потом скучно и тоскливо. Два этих чувства слились в одно тяжелое. Будто тело надулось спертым, тупым воздухом. И... грязью.

Через день позвонила Крестя.

— Яичница цела?

— Выкинул!

Желтые сморщенные пятна еще стояли на газовой плите.

Ему нравилось врать.

Кто-то, не он даже, может, циник Вадим, ухмыльнулся: «И он смахнул со своей щеки скупую мужскую слезу». Голенастого Вадима на кухне не было. Слезы и в самом деле выступили. Палец мокрый, блестит при ярком свете какой-то суперлампочки. Кристина или просто ее оторванный, оборванный голос, падая, перебиваясь, шелестел, как сухая полынь:

— Жаль... А у меня это... у меня кроссовки новые, на зам-ше... Так яичницы нет уже? Жа-а-аль!

Он подошел к окну. Темно. Никаких крыльев.

